

О. Л. Лейбович
**СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЗАВОД В КОЛЛЕКТИВНОЙ
ПАМЯТИ ГОРОЖАН (по материалам Перми)**

УДК 94(470/5)

ББК 63.3(235.55)

Тема статьи — идеализированная память о социалистическом промышленном предприятии как феномен современной городской культуры. Заводской нарратив горожан интерпретируется в контексте фоновых практик как ценностно ориентированная деятельность (М. Вебер), имеющая своим основанием идеализацию советского индустриализма. Идеализированный образ завода, генерированный в сообществах горожан третьего поколения, воспроизводится в иных возрастных когортах; сегодня его можно рассматривать как топос отечественной городской культуры. В западных обществах ностальгия по заводской жизни концентрируется в среде бывших индустриальных рабочих, не адаптировавшихся к экономике знаний. Идеализация советского завода рассматривается как ментальный ответ на деиндустриализацию отечественного хозяйства, совершающего переход от промышленной экономики к экономике услуг. Архаизация социальной, в том числе и производственной, жизни приводит к тому, что в глазах образованных групп населения советское предприятие выступает образцом рациональности, прогрессивности, демократичности. Идеализация советского завода является производной от нескольких культурных трендов, имеющих разную природу (разочарование в реформах и страх перед будущим, что влечет за собой мифологизацию прошлого, главным образом советского прошлого; критическое отношение к новым грубым формам экономической жизни, примитивному консюмеризму, архаичным властным практикам, реализуемым в хозяйственных ячейках; поиск социальной опоры в новом невнятном, ускользающем от точных определений мире). В идеализации советского завода находит свое выражение латентная социальная напряженность в городских сообществах.

Ключевые слова: *советский завод, коллективная память, городская культура, фоновые практики, деиндустриализация, ценности*

В процессе антропологического исследования функционирования социальных сетей в позднем советском городе мы интервьюировали бывших педагогов, врачей, инженеров, рабочих.¹ Почти в каждом интервью звучала заводская тема. Из записанных повествований складывался образ очень важного места, своего рода центра советского городского топоса. В нем формировались не только интересовавшие нас личные связи, но и поведенческие нормы, более того — этические императивы.

¹ Исследование «Формирование и функционирование социальных сетей жителей большого индустриального города в позднюю советскую эпоху» было начато в 2012 г. (рук. — д.и.н., проф. О. Лейбович; науч. конс. — к.с.н., доц. Н. Шушкова). Место исследования — г. Пермь. Метод исследования — качественное интервью; способ выборки — «снежный ком» (от информанта к информанту). Всего было проведено 19 интервью. В силу ряда внешних причин исследование не было завершено. Предварительные результаты исследования см.: Лейбович О. Историческая память пермяков // По-пермски глядя. Пермь глазами ученых. Пермь, 2013. С. 71–84.

*Лейбович Олег Леонидович — д.и.н., зав. кафедрой культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры (г. Пермь)
E-mail: oleg.leibov@gmail.com*

В то же время завод выступал источником всякого рода социальных благ — от получения жилья до приобретения дефицита легальными (через стол заказов или «профкомовские списки»), полулегальными («начальник цеха выписал...») и нелегальными способами.² И даже семейная генеалогия приобретала заводскую окраску. Это были рассказы об отце-инженере, или о родственниках мужа, работавших в горячем цеху, или о первом знакомстве с супругом («увидела его фотографию на доске почета»). О производственной жизни вспоминали охотно и с теплотой. В культурной памяти горожан третьего и отчасти второго поколения советский завод обладал явно выраженными чертами привлекательности. Более того, в нем обнаруживались ценностные характеристики высшего порядка. Трудовую деятельность в его стенах описывали как нечто важное, придающее смысл прожитой жизни, частично оправдывающее даже поступки сомнительного свойства.

² Подробнее о нелегальных способах самоснабжения на советском предприятии см.: Смоляк О. Советские несуну // Отечественные записки. 2012. № 1. (Т. 46). С. 311–318.

Таким образом, изучая потребительские практики советских горожан, мы столкнулись с производственной, точнее с фабричной, темой: в повествованиях горожан едва ли не ключевое место занимал социалистический завод.³ Эта информация, казалось бы, избыточная с точки зрения исходных исследовательских гипотез, тем не менее, нуждалась в интерпретации. С чем в действительности столкнулись антропологи — с частным проявлением социальной ностальгии или с особым видом культурной памяти?⁴ Сами высказывания представляется допустимым описывать как дискурсивные фоновые практики, или, по Г. Гарфинкелю, «практические действия в контексте».⁵

Контекстом, или фоном, здесь выступает советский идеализированный ценностно-нормативный порядок; сами же высказывания информантов могут быть отнесены по шкале М. Вебера к ценностно-рациональным практикам.⁶ К ним относится и активность предпринимателей новой формации, стремившихся во что бы то ни стало завладеть ценными бумагами обанкротившихся заводов, назначить себя генеральными директорами, вести свою социальную генеалогию от советских предместников.⁷

Образ советского завода можно в таком случае рассматривать как некоторый симулякр, замещающий в памяти информантов реальные представления о производственной жизни. Генеzis такого рода «симулякром советского», вероятно, связан с полем культурной травмы. «Лишенные своей эмоциональной наполненности, оторванные от своего непосредственного контекста, травматические означающие прошлого находят место в современном контексте».⁸ Речь здесь идет о продолжитель-

ной болезненной реакции современников на разрушение социалистических институтов.⁹

В нашем случае таким институтом выступает промышленное предприятие, бывшее в советскую эпоху основанием всей городской жизни. Согласимся с методологической установкой М. Ферретти: «Памяти самой по себе, так же как и прошлого, не существует. Это всегда конструкция, результат непрерывной и неслышной активности, порой сознательного, а порой бессознательного взаимодействия многочисленных людей и разнонаправленных сил, которые снова и снова ткут воздушное покрывало прошлого».¹⁰ «Многочисленные люди» в нашем случае — это советские горожане, социализировавшиеся в индустриальной культуре, выстраивающие свою жизнь по ее образцам, пребывавшие прямо или косвенно под патронажем градообразующих промышленных предприятий.

В такой ситуации идеализированная культурная память о заводе рассредоточивается по городскому сообществу, тоскующему об утраченном социальном порядке. Образ завода формирует сегодня «...ту совокупность представлений о прошлом, которая в данном обществе в данный исторический момент становится доминирующей и образует нечто вроде разделяемого большинством “здорового смысла”».¹¹

Согласившись с тем, что в культурной памяти горожан социалистический завод представляет собой идеализированный образ прошлого, своего рода символ ушедшего социалистического порядка, сформулируем исследовательскую задачу — выявить источники этой идеализации в представлениях людей старшего поколения, найти ее основания в реальном коллективном опыте, трансформировавшемся в конечном счете в укорененный жизненный мир — защитную оболочку личности от внешних раздражителей: чужих идей, представлений, ценностей и аттракторов.

Заметим, что идеализация завода встречается в самых разных культурах, не только в постсоветской. Это связано с набирающим

³ В описании результатов полевого исследования социологов, проведенного в 2008–2009 гг., также приводятся типичные высказывания о Перми: «Пермь — это промышленный город»; «Пермь — это город заводов и фабрик». См.: Пластеев М. Н., Нечаева Н. Г., Представления горожан об имидже города Перми // Бюллетень Пермской социологии. Исследования 2008–2009 гг. Пермь, 2009. С. 107–109.

⁴ Достаточно полный обзор литературы по теме «культурная память» см.: Петренко О. В. Тезаурус исследований по проблемам «памяти»: библиография основных работ по проблемам памяти // Культурологические исследования в Сибири. URL: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=176> (дата обращения: 03.12.2015).

⁵ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007. С. 43.

⁶ См. об этом подробнее: Дудолова М. М. Эвристические возможности концепции фоновых практик // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2014. № 11. С. 41–46.

⁷ См. об этом подробнее: Федотова С. Вольный путеводитель. Пермь, 2006.

⁸ Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сб. ст. М., 2009. С. 18.

⁹ См. об этом подробнее: Дудолова М. М. Ценностно-рациональные практики в постсоветском обществе как результат культурной травмы // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 4. С. 131–134.

¹⁰ Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ferre8-pr.html>. (дата обращения: 01.12.2015).

¹¹ Там же.

силу в развитых странах процессом деиндустриализации, который повлек за собой разрушение того, что «ранее расценивалось как укорененные стабильные образцы поведения (паттерны), позволявшие... понять и социальные структуры, и действия».¹²

Становятся иными пространственно-временные основания повседневной жизни горожан, принадлежащих к разным социальным стратам — и к более высоким, престижным, и к более низким, доступным для людей с невысоким уровнем образования. Прежде их объединяла общая принадлежность к индустриальному миру: большому, надежному, прочному, зримому и социально признанному, обеспечивающему достойное существование. Американские рабочие, например, старательно выстраивали социальные барьеры, отделявшие их от бедняков, к которым они не испытывали ни тени сочувствия, а тем более солидарности.¹³

В индустриальную эпоху были ясными и жизненные перспективы. Так, в ФРГ долгое время для описания производственной карьеры использовалась метафора дымохода (Schornsteinkarrieren): человек вплоть до выхода на пенсию трудился на одном предприятии, постепенно повышал квалификацию, шаг за шагом поднимался по должностной лестнице. Речь шла фактически о пожизненной занятости по советскому или японскому образцу. Сегодня такой вариант жизненного пути становится менее вероятным. Менеджеры все чаще избирают для работников иную, так называемую «мозаичную карьеру», предполагающую постоянную смену профессиональных обязанностей, управленческих функций и содержания проектов.¹⁴

В европейских странах техника, инженерные науки и соответствующие профессии утратили свой приоритетный статус в культуре молодого поколения.¹⁵ «Современные ев-

ропейские студенты, подверженные в среднем менее жесткому, чем раньше, отбору в школах, должны проявлять большую целеустремленность, чтобы не робеть перед трудностями естественнонаучного образования, тем более что его репутация в наше время никоим образом не подкрепляется ни процветающими рынками (за исключением сектора информатики), ни авторитетом науки и техники в жизненном мире юных поколений (как это было, например, в 70-е гг. — в великую эпоху завоевания космоса и ярких медицинских открытий)».¹⁶

Социологи, исследующие трудовые отношения, отмечают рост ностальгических настроений по старому индустриальному миру. В нем была «...трудная работа неподалеку от дома, за которую хорошо платили».¹⁷ Люди с теплотой вспоминают о ней, вытесняя из памяти и производственный травматизм, и монотонность трудовых операций, и произвол администраторов.¹⁸

От прежних промышленных гигантов остались руины. И урбанисты продолжают дискуссию о том, как поступить с этими ветшающими зданиями, техническими сооружениями, машинными дворами, т. е. со всей индустриальной архитектурой, — снести до основания, чтобы и следов от нее не осталось, поскольку «о закрытой фабрике помнят те, кто на ней когда-то трудились, помнят как о тяжелейшем поражении в своей жизни, обесценивании профессиональной идентичности, прежнем опыте, более не востребованном обществом, как и квалификации и трудовые усилия»,¹⁹ или музеефицировать, что, по мнению немецкого социолога В. Зибеля, тоже было бы не лучшим решением. Он пишет: «Музеи и выставочные залы — они для воскресенья. Нужен особый предлог, чтобы их посетить. И любой процесс музеефикации есть одновременно процесс эстетизирующего абстрагирования от социальной реальности. Чтобы свидетельства индустриальной истории сохранились в повседневности горожан, мы

¹² См.: Strangleman T. Rhodes J. The 'New' Sociology of Deindustrialisation? Understanding Industrial Change // *Sociology Compass*. 2014. № 8/4. P. 411–421.

¹³ См.: Lamont M. Small M. L. How Culture Matters : Enriching our Understanding of Poverty // *The Colors of Poverty*. New York, 2008. P. 76–102.

¹⁴ См.: Karrieremodell "Schornstein" ist veraltet. URL: http://www.haufe.de/personal/hr-management/karriereentwicklung-karrieremodell-schornstein-veraltet_80_269450.html (дата обращения: 06.12.2015); Kuetz F. Kampf gegen Schornsteinkarrieren // *Süddeutsche Zeitung Online-Archiv*. 08.04.2015. URL: <http://www.genios.de/presse-archiv/artikel/SZ/20150408/kampf-gegen-schornsteinkarrieren/A59847237.html> (дата обращения: 06.12.2015).

¹⁵ См.: Boy D. *Le progrès en procès*. Paris, 1999.

¹⁶ Convert B. *Konjunktoren und Krisen des natur- und technikkwissenschaftlichen Studiums in Europa* // *Die Hochschule*. 2005. H. 2. S. 14.

¹⁷ *Beyond the Ruins: The Meanings of Deindustrialisation*. Ithaca, 2003. P. 15.

¹⁸ См.: Mah A. *Industrial Ruination, Community, and Place: Landscapes and Legacies of Urban Decline*. Toronto, 2012.

¹⁹ Siebel W. Was macht eine Stadt urban? URL: http://www.a.ibt.uni-oldenburg.de/bisdoc_redirect/publikationen/bisverlag/unireden/ur61/dokument.pdf (дата обращения: 05.10.2015).

должны их связать с возможными повседневными же потребностями. Почему бы в старых промышленных сооружениях не разместить коммерческие фитнес-студии, или жилища, или современные рабочие места?»²⁰ Не совсем ясно, как фитнес-центр может вытеснить болезненные воспоминания бывших рабочих-металлистов, но идея немецкого социолога становится более понятной, если принять во внимание его исследовательскую парадигму — описание современного европейского общества в терминах постиндустриализма. В рамках этой концепции завод является памятником уходящей эпохи. На смену индустриальному хозяйству пришла экономика знаний. Одновременно меняет свой облик и город, что вынуждает «заново переформулировать наши представления о городе и правильной городской жизни».²¹

Ностальгия по фабрике в таком случае — это удел работников, обладающих квалификацией старого типа, не способных в силу возраста или образования быть в ней востребованными. Встает вопрос о том, допустимо ли применить эту исследовательскую модель для понимания отечественных реалий.

Исследователь В. Мартьянов отмечает: «Принято считать, что в настоящее время из затянувшейся на советских просторах эпохи фабричных труб Россия пытается шагнуть в информационную эпоху, построить постиндустриальное общество».²² В концепции культурной политики Пермского края «Пермский культурный проект» читаем: «Мы видим Пермский край “территорией потоков” — человеческих, финансовых, информационных и иных, — современной постиндустриальной территорией с высоким качеством жизни и человеческого капитала, с широким рынком престижных рабочих мест и насыщенным досугом, привлекательной для культурного туризма. Мы видим Пермский край родиной интеллектуальных и творческих достижений, новых талантов и звезд».²³ В действительности в культуре городских сообществ можно обнаружить тенденцию к доминированию консюме-

ризма.²⁴ Вряд ли это явление можно считать основательной предпосылкой для формирования постиндустриальной цивилизации.

Представляется, однако, что хозяйственная эволюция российского общества движется по иному вектору — не к экономике знаний, но к экономике услуг.²⁵ Социальные процессы здесь имеют выраженную тенденцию к архаизации, к воспроизводству и усилению традиционалистских структур.²⁶ И деиндустриализация в нем имеет иную природу, нежели в Германии или в США.²⁷ Если в экономике знаний завод замещается университетом, проектным бюро, исследовательской лабораторией, то в экономике услуг господствующей социальной формой трудовой организации (институтом) становится офис, т. е. торговая, финансовая, посредническая или административная контора (бюро), функционирующая в системе коллективного и частного потребления.

Прощание с индустриальной цивилизацией в советских условиях вовсе не открывает перспектив для людей знания: инженеров, научных работников, преподавателей вузов. Офисы предназначены преимущественно для молодых людей. Состоявшимся профессионалам, прежде всего инженерам, научным работникам, преподавателям вуза, доступны рабочие места с обедненным содержанием труда (ремонт бытовой техники, диспетчерские услуги, простейшие торговые операции). Продолжительность и условия занятости в данной ситуации не гарантируются ни коллективными договорами, ни традицией. Люди индустриального труда, приближающиеся по возрасту к третьему поколению, в массе

²⁴ Речь идет о ситуации, когда «...потребление равно производству, поскольку им может производиться статус, ценность, достоинство и важность потребителя» (Zhu Shengjian. *The City — Map and Consumerism Ideology* // Shanghai: its urbanization and culture. Washington, 2004. P. 125).

²⁵ «На сегодняшний день едва ли у России имеются какие-либо перспективы перейти в разряд постиндустриальных обществ» (Скоробогатов А. С. Перспективы постиндустриального общества в России в свете иерархичности национальных и региональных экономик // *Terra Economicus*. 2008. № 2. (Т. 6). С. 31).

²⁶ См.: Кордонский С. Г. Ресурсное государство: сб. ст. М., 2007; Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М., 2008. Шушкова Н. В. Социология современного патернализма. Вашингтон, 2010.

²⁷ По материалам Росстата, доля занятых в обрабатывающем производстве в Пермском крае в первое десятилетие XXI в. колебалась в интервале 22–24 % от общего числа занятых. См.: Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 08.12.2015).

²⁰ Ibid. S. 17.

²¹ Häußermann H., Siebel W. *Neue Urbanität*. Frankfurt am Main, 1987. S. 7.

²² Мартьянов В. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная альтернатива // *Логос*. 2008. № 1 (64). С. 38. Заметим, что В. Мартьянов эту позицию не разделяет.

²³ Пермский культурный проект: Концепция культурной политики Пермского края. Пермь, 2010. С. 30.

своей не только утратили престижные виды деятельности, но и существенно понизили свой социальный статус. Таким образом, деиндустриализация в России в равной степени поразила и работников физического труда («синих воротничков»), и людей знания, что, в конечном счете, предопределило распространение ностальгических настроений в городских сообществах.

В целом же ценностное отношение к советскому заводу представляет собой многослойное культурное явление, в котором усиливают друг друга самые разные культурные тренды.

Прежде всего, необходимо указать на доминирующую в современной культуре тенденцию — ориентацию на прошлое, формирующую ретроспективное представление о действительности. Так фабрикуются «линзы», обладающие серьезным искажающим эффектом.²⁸ Речь идет об идеализации ушедшей эпохи, на фоне которой новая реальность выглядит убогой и недостойной.²⁹ «Золотой век» был вчера — на расстоянии вытянутой руки, в годы собственной молодости или молодости родителей; эта идиллия больше не повторится. В ностальгическом восприятии действительности отразились и разочарование в надеждах на лучшее будущее, и болезненная реакция на разрушение повседневности, пусть многократно обруганной в курилках и на кухнях, но освоенной, понятной, «опривыченной». Если вслед за А. Мичерлихом описать город как биотоп, «в котором жизнь во всех своих формах приводится в равновесие и в нем сохраняется»,³⁰ то следует признать, что это равновесие было нарушено. Сложившийся социальный порядок подвергся разрушению, а с ним — и городская повседневность. Будущее в коллективном сознании говоривших с нами горожан представляло собой угрозу.³¹

Конструирование новой повседневности — процесс длительный, конфликтный, травматичный. Необходимо время, чтобы новые реальности были преобразованы коллективным опытом, приняты как нечто необходимое, более того, бесспорное и даже обладающее

постоянством. Даже для молодых людей, родившихся в постсоветский период, родительский мир кажется более правильным, чем тот, в котором они живут сегодня. Они сочиняют свой Советский Союз так, как в иные эпохи конструировали утопии, т. е. методом зеркального отражения. Того, что сегодня кажется несправедливым, порочным, опасным, в придуманном прошлом не существовало: ни преступности, ни коррупции, ни дороговизны, ни эгоизма. «Была огромная добрая страна».³²

Ретроспективное восприятие действительности порождает «утопии наоборот». В них институты советского мира наделяются идеализированными характеристиками. Проблемы и конфликты вытесняются из памяти, а их место занимают события — действительные или мнимые, но обладающие бесспорной ценностью. Когда память переносит их из прошлого в настоящее, они приобретают значение, не обязательно адекватное тому, каким они обладали в момент свершения. Они вписаны «...во внутренние и внешние обстоятельства, при каких о них вспоминают».³³ Так в историческом прошлом формируется новая реальность, чувственно наполненная и эмоционально сопереживаемая большими городскими сообществами. Она и образует фон для разнообразных городских практик, прежде всего нарративных.³⁴

Итак, ностальгическую компоненту современной городской культуры можно считать одним из источников ценностного отношения к советскому заводу. Оно предопределяет форму воспоминаний. Их содержание, однако, связано с реальным коллективным опытом советских поколений, сформировавшихся в индустриальной культуре. Советский город исторически вырос из завода. «Возводимые в годы первых пятилеток и эвакуированные в годы войны индустриальные гиганты немедленно обрастали поселками ведомственного жилья. <...> Завод был средоточием любых материальных (да что там — просто любых) благ, которые распределялись строго иерархически, ранжированно. <...> Столовые завода, являвшиеся для подавляющего большинства работающих фактически единственным

²⁸ Репина Л. П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 14.

²⁹ См.: Roseberry W., O'Brien J. Introduction // Golden Ages, Dark Ages: Imagining of the Past in Anthropology and History. Berkeley, 1991. P. 1–18.

³⁰ Mitscherlich A. Die Unwirtlichkeit unserer Städte; Anstiftung zum Unfrieden. Frankfurt am Main, 1965. S. 39.

³¹ См.: Лейбович О. Л., Шушкова Н. В. Власть и городские сообщества в социальном пространстве большого города (на материалах г. Перми) // Мир России. 2010. № 2 (Т. 19). С. 119.

³² Казанков А. Извивы памяти // По-пермски глядя. С. 84.

³³ Киридон А. М. Конструкт «коллективна пам'ять» у фокусі часу: теоретичний дискурс. URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/konstrukt-kolektivna-pamyat-u-fokusi-chasu-teoretichnii-diskurs> (дата обращения: 06.12.2015).

³⁴ См.: Лейбович О. Л., Шушкова Н. В., Кабацков А. Н. Этническое и экономическое: этюд о фоновых практиках // Вестн. перм. гос. ин-та искусства и культуры. 2012. № 13/14. С. 55–64.

источником регулярного питания, делились на четыре категории».³⁵ И в последние десятилетия советской истории заводы имели статус градообразующих предприятий: они строили жилье, инвестировали средства в социальную инфраструктуру фактически обеспечивали урбанистическое качество жизни.³⁶

Свертывание социальных функций предприятий, реализуемое под маркой «освобождения от непрофильных активов», самым неблагоприятным образом отразилось на состоянии городской среды, что заставило множество горожан вернуться в памяти к тем временам, когда заводскими усилиями озеленялись улицы, поддерживались в пристойном состоянии детские площадки, спортивные корты, дома и дворцы культуры, к учебному году ремонтировались школьные помещения. Уход заводов из городской жизни повлек за собой не только цепочку воспоминаний о его прежних социально ориентированных практиках, но и высказываемые в публичном дискурсе надежды на их возвращение.

В ценностно ориентированном отношении к заводу, таким образом, можно обнаружить и вполне рациональную реакцию горожан на социальную позицию новых российских предпринимателей, повторяющих худшие образцы экономического поведения их исторических предшественников в США и Западной Европе XIX столетия.³⁷

Взгляд на сегодняшнюю действительность позволяет точнее оценить реалии вчерашнего дня. Особенно это касается социального положения работников на предприятии. Советский завод, в не меньшей степени чем западногерманский, открывал для работников возможности продвижения по восходящей социальной лестнице. От «дымоходной карьеры» оно отличалось тем, что позволяло рабочим через систему вечернего и отчасти заочного образования перейти в иной социальный статус — в разряд инженеров, в первую очередь линейных руководителей (мастеров, старших мастеров, начальников участков). Для инженеров существовала возможность «карьеры мозаичной»,

занятие выборных должностей в партийных и советских структурах, получение общественного признания за трудовые достижения (государственные награды, премии, членство в статусных организациях) и пр. Одним из вариантов социального продвижения можно считать доступ к так называемым дефицитным товарам и продуктам питания через заводскую систему распределения. Наши информанты рассказывали о льготной подписке на популярные издания, на литературные приложения к журналам «Огонек» и «Дружба народов» и пр.

Главное преимущество советской системы они видят в ушедших в прошлое гарантиях пожизненной занятости, что обеспечивалось не только законодательством, но и, главным образом, хроническим недостатком рабочей силы, наблюдаемым с середины 1950-х гг.³⁸ Необходимо отметить, что работники социалистических предприятий, вовлеченных в процесс приватизации в 1990-е гг., наиболее тяжело переживали новые условия труда: «полную незащищенность перед хозяйским произволом; задержки с выплатой заработной платы, ее натурализацию».³⁹

Оказавшись в новой социальной ситуации, инженеры и рабочие обращаются в своей памяти к ушедшему заводскому прошлому. Социальная организация труда людей советского типа в их коллективной памяти становится образцом — неким идеальным состоянием производственной деятельности, позволяющим критически оценить новую заводскую реальность. Можно предположить, что постоянно воспроизводимые в речи воспоминания о заводском прошлом выступают своего рода заменителем (субститутотом) протестной активности. Это правомерно рассматривать как выражение латентной социальной напряженности внутри хозяйственных единиц, не только производственных, но и коммерческих.

Дело в том, что работники офисов — молодые люди с дипломами, удостоверяющими их высшее образование, — по своим социальным перспективам далеко отстают от советских инженеров. Содержание их труда характеризуется

³⁵ Кабацков А. Н., Казанков А. И. Новая жизнь советского города // Мир России. 2010. № 2. (Т. 19). С. 134.

³⁶ См. об этом подробнее: Колокольчикова Р. С. История промышленных городов Европейского Севера России: пространство, социум, культура (вторая половина 1960-х — первая половина 1980-х гг.). Череповец, 2013.

³⁷ Ср.: «Капитал предпринимает только выгодные с его точки зрения операции» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–58 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М., 1969. С. 23).

³⁸ «Период относительного избытка рабочей силы в Советском Союзе кончается; в результате возрастает необходимость повышения производительности труда каждого рабочего, а это придает особую важность использованию мер поощрения» (Ноув А. Экономическая стратегия коммунизма. Рост и возможности Советского Союза. М., 1960. С. 22).

³⁹ Кабацков А. Н., Казанков А. И. Указ. соч. С. 138; Кабацков А. Н., Лейбович О. Л., Шушкова Н. В. «Складывается впечатление, что у нас концлагерь...» // Социология. 2007. № 1. С. 60–72.

повторяемостью несложных функций — медийных, коммуникативных, учетных и контрольных. Они умеют пользоваться компьютером в той же мере, как рабочие средней квалификации могли управляться со станком. Успех труда офисного работника в малой степени зависит от полученных в вузе профессиональных знаний. Бóльшее значение имеют способности к коммуникации, умение найти и защитить базу данных, освоение дисциплинарных практик, наконец, личные связи.

Офисные работники социально уязвимы. Колебания финансовой конъюнктуры оборачиваются для них массовыми увольнениями, увеличением продолжительности рабочего дня и сокращением заработной платы. Опытных сотрудников легко заменить юными выпускниками вузов: для овладения необходимыми компетенциями не нужно быть профессионалом, достаточно умения располагать к себе и соблюдать принятые нормы. Социальная карьера работников офисов может быть только административной, что для большинства остается недоступным.

Внедряемая корпоративная культура вряд ли в состоянии дать офисным работникам ответ на вопрос, в чем смысл их деятельности. В то время, как и сегодня, на этот вопрос без особых затруднений отвечают бывшие инженеры советских заводов: «...крепил оборонный щит Родины», «...обеспечивал технический прогресс», кто-то «...участвовал в космической программе». Все наши информанты не сомневались в том, что они делали важное и нужное для страны дело. В этом смысле офисные работники чувствуют себя обделенными; у них мало шансов преодолеть отчуждение от собственной деятельности. Это во многом объясняет то обстоятельство, что в офисной среде воспроизводятся мифологические представления о советском прошлом, в том числе о заводской жизни. Рассказы, услышанные от родителей, заново интерпретируются, эмоционально перенасыщаются, в конечном счете, становятся фрагментом «утопии наоборот» о безмятежной жизни в советской стране, в советском конструкторском бюро, на советском заводе.

Таким образом, идеализация фабричной жизни является порождением деиндустриализации некогда промышленных стран: США, стран Западной Европы, СССР. Деиндустриализацию сегодня можно считать «местом встречи» обществ,двигающихся в разных направлениях — к экономике знаний на Западе;

к экономике услуг в России. Различие векторов развития отражается прежде всего в социальном составе носителей памяти об индустриальном прошлом. Ностальгия по ушедшему заводскому миру на Западе сохраняется в субкультуре «синих воротничков» — бывших промышленных рабочих, не сумевших адаптироваться к новому, усложненному типу рабочих мест. В России идеализированная память о советском заводе является элементом культуры современного городского сообщества, а не отдельных его страт. Архаизация социальной, в том числе и производственной, жизни приводит к тому, что в глазах образованных групп населения советское предприятие выступает образцом рациональности, прогрессивности, демократичности.

Советский завод является основанием для вербальных фоновых практик, т. е. обладает неоспоримой ценностью для горожан. Речь в действительности идет о не совпадающих по содержанию ценностях. Каждое социальное сообщество находит в нем что-то свое: одни — гарантированное рабочее место, справедливое распределение, доступ к товарам и услугам; другие — возможность сделать социальную карьеру; третьи — смысл жизни. Все они сходятся в одном: ядром правильной жизни в прошлом был завод.

Идеализация советского завода является производной от нескольких культурных трендов, имеющих разную природу (разочарование в реформах и страх перед будущим, что влечет за собой мифологизацию прошлого, главным образом советского прошлого; критическое отношение к новым грубым формам экономической жизни, примитивному консюмеризму, архаичным властным практикам, реализуемым в хозяйственных ячейках; поиск социальной опоры в новом невнятном, ускользающем от точных определений мире).

В идеализации советского завода находит свое выражение социальная напряженность, в латентном виде присутствующая и в городском пространстве, и в замкнутом пространстве офисов. Образ завода в таком случае можно рассматривать как несущий элемент складывающейся социальной утопии, внешне обращенной в прошлое, в действительности же предполагающей переосмысление и преобразование настоящего. В сегодняшней ситуации ностальгия по советскому заводу выполняет по преимуществу терапевтические функции: переплавляет чувства разочарования, растерянности, смутного недовольства в мирные, теплые воспоминания.

Oleg L. Leybovich

Doctor of Historical Sciences, Perm State Institute of Culture (Russia, Perm)

E-mail: oleg.leibov@gmail.com

**SOCIALIST FACTORY IN A COLLECTIVE MEMORY
OF THE CITIZEN (ON THE MATERIALS OF PERM)**

The subject of the article is a specific phenomenon of modern urban culture, i.e. the idealized memory of socialist industrial enterprises. The factory-related narrative of urban population is interpreted in the context of background practices as a value-oriented activity (M. Weber) with an underlying idealization of the Soviet industrialism. An idealized image of a factory generated by the third generation urban communities was reproduced in other age cohorts; today it may be viewed as the topos of the Russian urban culture. In Western societies the nostalgic memories of a factory life were concentrated in the former industrial workers' communities, which failed to adjust to the new knowledge economy. Idealization of a Soviet factory was perceived as a mental response to de-industrialization of the Russian economy experiencing a transition from the industrial to the service economy. Archaization of the social, including the occupational, life resulted in the perception of a Soviet enterprise by the educated groups of the population as a model of rationality, progressive ideas, and democracy. Idealization of a Soviet factory was a derivative of several cultural trends of various origin (disappointment with the reforms and fear of the future, which entailed mythologization of the past, primarily the Soviet past; critical attitude towards the new crude forms of economic relations, primitive consumerism, archaic command practices implemented in business units; a search for a social foothold in this unintelligible, escaping clear definitions environment). Idealization of a Soviet factory was a manifestation of latent social tensions in urban communities.

Keywords: Soviet plant, collective memory, city culture, background practitioners, deindustrialization, values

REFERENCES

- Beyond the Ruins: The Meanings of Deindustrialisation*. Ithaca: Cornell University Press Publ., 2003. 372 p. (in English).
- Boy D. *Progress in trial* [Le progrès en procès]. Paris: Presses de la Renaissance Publ., 1999. 264 p. (in French).
- Convert B. *Economic situations and crises of the natural-scientific and technology-scientific study in Europe* [Konjunkturen und Krisen des natur- und technikwissenschaftlichen Studiums in Europa]. Die Hochschule [University], 2005, no. 2, pp. 12–20. (in Russ.).
- Dudoladova M. M. *Evristicheskie vozmozhnosti kontseptsii fonovykh praktik* [Heuristic opportunities of the concept background practitioner]. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2014, no. 11, pp. 41–46. (in Russ.).
- Dudoladova M. M. *Tsenostno-ratsionalnye praktiki v postsovetskom obshchestve kak rezultat kulturnoy travmy* [Valuable and rational practitioners in Post-Soviet society as result of a cultural trauma]. Obshchestvo. Sreda. Razvitie [Society. Wednesday. Development], 2014, no. 4, pp. 131–134. (in Russ.).
- Fedotova S. *Volnyy putevoditel: Zametki o Permskom krae* [Free guide: Notes about Perm Krai]. Perm: Kompanon Publ., 2006. 251 p. (in Russ.).
- Ferretti M. *Neprimirimaya pamyat: Rossiya i voyna. Zametki na polyakh spora na zhguchuyu temu* [Irreconcilable memory: Russia and war. Dispute marginal notes on a burning subject] // Neprikosnovenny zapas [Emergency ration], 2005, no. 2/3 (40/41). (in Russ.) Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/fer8-pr.html> (accessed 01.12.2015).
- Garfinkel G. *Issledovaniya po etnometodologii* [Researches on ethnomethodology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2007. 335 p. (in Russ.).
- Häußermann H. Siebel W. *New urbanity* [Neue Urbanität]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 1987. 229 p. (in German).
- Kabatskov A. N. Kazankov A. I. *Novaya zhizn sovetskogo goroda* [New life of the Soviet city]. Mir Rossii [World of Russia], 2010, no. 2, vol. 19, pp. 131–147. (in Russ.).

- Kabatskov A. N. Leybovich O. L. Shushkova N. V. «*Skladyvaetsya vpechatlenie, chto u nas kontslager...*» *Narrativ rabotnikov postsovetskogo promyshlennogo predpriyatiya* [“There is an impression that we have a concentration camp...” Narrative of employees of Post-Soviet industrial enterprise]. *Sotsiologiya*, 2007, no. 1, pp. 60–72. (in Russ.).
- Kazankov A. *Izvivy pamyati* [Memory windings]. Po-permski glyadya. Perm glazami uchenykh [In a Perm way looking. Perm eyes of scientists]. Perm: PGPU Publ., 2013, pp. 84–86. (in Russ.).
- Kiridon A. M. *Konstrukt «kolektivna pamyat» u fokuse chasu: teoreticheskiy diskurs* [Construct “memory” at focus is collective to hour: theoretical discourse]. Available at: <http://www.memory.gov.ua/publication/konstrukt-kolektivna-pamyat-u-fokusi-chasu-teoretichnii-diskurs> (accessed 06.12.2015).
- Kolokolchikova R. S. *Istoriya industrialnykh gorodov Yevropeyskogo Severa Rossii: prostranstvo, sotsium, kultura (vtoraya polovina 1960-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.)* [History of the industrial cities of the European North of Russia: space, society, culture (the second half of the 1960th – the first half of the 1980th)]. Cherepovets: ChGU Publ., 2013. 337 p. (in Russ.).
- Kordonskiy S. G. *Resursnoe gosudarstvo: sbornik statey* [Resource state: collection of articles]. Moscow: Regnum Publ., 2007. 108 p. (in Russ.).
- Kuetz F. *Fight against chimney careers* [Kampf gegen Schornsteinkarrieren]. Süddeutsche Zeitung Online-Archiv [South German one Newspaper on-line archive] (in German). Available at: <http://www.genios.de/presse-archiv/artikel/SZ/20150408/kampf-gegen-schornsteinkarrieren/A59847237.html> (accessed 01.12.2015).
- Lamont M. Small M. L. *How Culture Matters : Enriching our Understanding of Poverty*. The Colors of Poverty. New York: Russell Sage Foundation Publ., 2008, pp. 76–102. (in English).
- Leybovich O. L. *Istoricheskaya pamyat permyakov* [Historical memory of residents of Perm Po-permski glyadya. Perm glazami uchenykh [In a Perm way looking. Perm eyes of scientists]. Perm: PGPU Publ., 2013, pp. 71–84. (in Russ.).
- Leybovich O. L. Shushkova N. V. Kabatskov A. N. *Etnicheskoe i ekonomicheskoe: etyud o fonovykh praktikakh* [Ethnic and economic: the etude about background practitioners]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kultury*, 2012, no. 13/14, pp. 55–64. (in Russ.).
- Leybovich O. L. Shushkova N. V. *Vlast i gorodskie soobshchestva v sotsialnom prostranstve bolshogo goroda (na materialakh g. Permi)* [The power and city communities in social space of the big city (on materials of Perm)]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2010, no. 2, vol. 19, pp. 118–130. (in Russ.).
- Mah A. *Industrial Ruination, Community, and Place: Landscapes and Legacies of Urban Decline*. Toronto: Toronto University Press Publ., 2012. 236 p. (in English).
- Martyanov V. *Postindustrialnoe obshchestvo dlya Rossii: mif, teoriya, realnaya alternativa* [Post-industrial society for Russia: myth, theory, real alternative]. *Logos* [Lagos], 2008, no. 1, (64), pp. 30–47. (in Russ.).
- Mitscherlich A. *The inhospitableness of our towns: Instigation to the strife* [Die Unwirtlichkeit unserer Städte: Anstiftung zum Unfrieden]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 1965. 214 p. (in Russ.).
- Petrenko O. V. *Tezaurus issledovaniy po problemam «pamyati»*. *Bibliografiya osnovnykh rabot po problemam pamyati* [Thesaurus of researches on problems of “memory”. Bibliography of the main works on memory problems]. *Kulturologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Kulturologichesky researches in Siberia] (in Russ.). Available at: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=176> (accessed 03.12.2015).
- Plasteev M. N. Nechaeva N. G. *Predstavleniya gorozhan ob imidzhe goroda Permi* [Ideas of citizens of image of the city of Perm]. *Byulleten Permskoy sotsiologii. Issledovaniya 2008–2009 gg.* [Bulletin of the Perm sociology. Researches of 2008–2009.] Perm: Merkurii Publ., 2009, pp. 106–109. (in Russ.).
- Repina L. P. *Pamyat o proshlom i istoriya* [Memory of the past and history]. *Dialogi so vremenem: pamyat o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues with time: memory of the past in the context of history]. Moscow: Krug Publ., 2008, pp. 7–18. (in Russ.).
- Roseberry W. O’Brien J. *Introduction*. *Golden Ages, Dark Ages: Imagining of the Past in Anthropology and History*. Berkeley: University of California Press Publ., 1991, pp. 1–18. (in English).
- Shlyapentokh V. *Sovremennaya Rossiya kak feodalnoe obshchestvo. Novyy rakurs postsovetskoy ery* [Modern Russia as feudal society. New foreshortening of a Post-Soviet era]. Moscow: Stolitsa-Print Publ., 2008. 367 p. (in Russ.).
- Shushkova N. V. *Sotsiologiya sovremennogo paternalizma* [Sociology of modern paternalism]. Washington: RusGenProekt Publ., 2010. 294 p. (in Russ.).

Siebel W. *What does a town make urbane?* [Was macht eine Stadt urban?]. (in German). Available at: http://www-a.ibit.uni-oldenburg.de/bisdoc_redirect/publikationen/bisverlag/unireden/ur61/dokument.pdf (accessed 01.12.2015).

Skorobogatov S. *Perspektivy postindustrialnogo obshchestva v Rossii v svete ierarkhichnosti natsionalnykh i regionalnykh ekonomik* [Prospects of post-industrial society in Russia in the light of hierarchy of national and regional economies]. *Terra Economicus*, 2008, no. 2, vol. 6, pp. 22–34. (in Russ.).

Smolyak O. *Sovetskie nesuny* [Soviet pilferers]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2012, no. 1, vol. 46, pp. 311–318. (in Russ.).

Strangleman T. Rhodes J. *The “New” Sociology of Deindustrialisation? Understanding Industrial Change*. *Sociology Compass*, 2014, no. 8/4, pp. 411–421. (in English).

Ushakin S. «*Nam etoy bolyu dyshat*»? *O travme, pamyati i soobshchestvakh* [“To us this pain to breathe”? About a trauma, memory and communities]. *Travma: punkty* [Trauma: points]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 5–40. (in Russ.).

Zhu Shengjian. *The City – Map and Consumerism Ideology*. Shanghai: its urbanization and culture. Washington: RVP Publ., 2004, pp. 125–140. (in English).